

С.И. Помазкова, Н.В. Афанасьева

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В ЗАЩИТЕ И РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ПРАВ ПАЦИЕНТОВ

Показано значение для защиты прав пациента постановлений Европейского суда по правам человека. Указаны отдельные категории дел по оказанию медицинской помощи, рассмотрены способы имплементации решений Европейского суда по правам человека. Подчеркивается противоречивость решений Европейского суда по правам человека, трудности в реализации данных решений в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: права пациента, медицинская помощь, международный договор, Европейский суд по правам человека.

S.I. Pomazkova, N.V. Afanasyeva

THE ROLE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
IN PROTECTING AND REGULATING THE RIGHTS OF PATIENTS

The value of the decisions of European Court of Human Rights to protect the rights of the patient is shown. Specific categories of medical care cases are indicated, methods of implementation of European Court of Human Rights decisions are considered. The inconsistency of the decisions of European Court of Human Rights, the difficulties in the implementation of these decisions in law enforcement are underlined.

Keywords: patient rights, medical care, international Treaty, European Court of Human Rights.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) играет одну из ведущих ролей в выработке единого для многих стран подхода к вопросам реализации прав человека (в том числе прав пациентов). Так, в его ведении находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (4 октября 1950, Рим) [1] (далее – Римская конвенция). Согласно ст. 46 Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами. Таким образом, мнение ЕСПЧ становится обязательным для исполнения не только

для сторон по конкретному делу, но и для других стран, подписавших Римскую конвенцию. Поэтому можно констатировать особую роль ЕСПЧ и в регламентации прав пациента, так как его решения заставляют переосмыслить и изменить либо национальное законодательство, либо правоприменительную практику.

Механизм влияния постановлений ЕСПЧ изучался многими специалистами. Так, С.Д. Князев, опираясь на практику Конституционного суда, отмечал, что реализация предусмотренных постановлением ЕСПЧ мер должна осуществляться в соответствии со ст. 15 (ч. 4) Конституции Российской Федерации на началах призна-

ния правоприменительного приоритета этого постановления перед национальными законами [9]. Воздействие ЕСПЧ на российскую правовую систему не исчерпывается его прямой ролью в защите прав и свобод человека по конкретным делам. Интересы общеевропейского понимания и соблюдения прав человека определяют объективную потребность и значимость его деятельности по выявлению структурных недостатков, в том числе связанных с состоянием национального законодательства, и предложению путей к их устранению, что налагает на Российскую Федерацию обязанность вдумчивого и конструктивного реагирования на предписываемые ЕСПЧ меры общего характера [5].

В том случае, когда Страсбургский суд принимает решения по делам с участием других государств, они формально не являются обязательными для Российской Федерации, но нельзя не учитывать, что в них формируется прецедентная практика ЕСПЧ по вопросам толкования и применения различных конвенционных положений [9]. Россия не может игнорировать ее, иначе окажется в изоляции в законодательном и правоприменительном смыслах.

Римская конвенция (ст. 1) закрепляет положение, по которому государства-участники принимают на себя обязательство обеспечения каждому находящемуся под их юрисдикцией прав и свобод, установленных данной Конвенцией. Е.Ц. Дугарон отметила принципиально важную позицию Европейского суда, которая заключается в том, что ЕСПЧ «признает широту государственного усмотрения в сфере регулирования репродукции». Однако не только в сфере репродукции, но и в целом «анализ практики ЕСПЧ помогает выявить специфику и слабые стороны национального правового регулирования, динамику правовых позиций, которые по-

стоянно трансформируются, адаптируясь к изменению условий развития и приоритетам современного общества, а также подходы ЕСПЧ к содержанию и объему закрепленных в Конвенции терминов» [2].

Рассматривая сферу медицинских услуг, Д. Третьяков выделяет ст. 8 Римской конвенции, касающуюся права на уважение частной и семейной жизни. Согласно п. 2 ст. 8 Римской конвенции, не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Д. Третьяков, анализируя проблемы информированного добровольного согласия в контексте прав, закрепленных указанной Конвенцией, обращает внимание на то, что вмешательство со стороны государства допускается в неопределенном количестве различных ситуаций, но при соблюдении четко установленных условий. Если вмешательство не предусмотрено законом, то оно по определению нарушает требования ст. 8 Конвенции о защите прав человека. Автор приводит в качестве примера Постановление Европейского суда по делу «Юрий Волков против Украины» [8], в котором следователь самостоятельно взял у задержанного по уголовному делу заявителя кровь из вены на анализ, не прибегая к помощи медицинских работников. В этом деле Европейскому суду не составило труда установить, что подобное обращение с заявителем нарушило ст. 8 Конвенции, поскольку оно было незаконным даже согласно законодательству Украины, которое

четко предусматривало, что забор крови может производить только квалифицированный медицинский работник. В данном деле представляет интерес то, что заявитель жаловался на нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека, но Европейский суд решил рассмотреть эту жалобу в контексте ст. 8 указанной Конвенции [10].

Если же медицинская помощь оказывается в рамках закона, который соответствует требованиям Конвенции, а медицинское вмешательство осуществляется с целью охраны здоровья, Европейский суд проверяет, было ли вмешательство необходимым и были ли соблюдены права пациентов. Такое согласие должно отвечать строго установленным критериям: оно должно быть добровольным и даваться после получения всей необходимой информации, а также обладать явной выраженностью и носить осознанный характер.

Европейский суд неоднократно касался проблем, связанных с информированным добровольным согласием, выявляя новые грани прав пациента. Вместе с тем хотелось бы отметить, что не во всех случаях решения ЕСПЧ носят бесспорный характер.

Так, например, с точки зрения установления соотношения основных прав человека при оказании медицинской помощи примечательным является Постановление ЕСПЧ от 10 июня 2010 г. «Дело “Свидетели Иеговы” в Москве и другие (Jehovah’s Witnesses of Moscow and others) против Российской Федерации» [6].

Рассматриваемая ЕСПЧ ситуация заключалась в следующем: под влиянием общины «Свидетели Иеговы» ее члены отказывались от переливания крови и/или ее компонентов даже в тяжелых или угрожающих жизни состояниях. К этому был добавлен также прецедент, когда мать-иеговистка отказалась от переливания крови ее ребенку. По мнению российского рай-

онного суда, карточка «Никакой крови», имеющаяся у членов общины, нарушала право пациента на самостоятельное принятие медицинских решений путем делегирования этого права – на случай его нахождения в бессознательном состоянии – другим членам общины. Российская судебная практика расценивает подобные случаи как причинение вреда здоровью, так как отказ от переливания крови по религиозным основаниям вызывал серьезные последствия, такие как ухудшение здоровья и невозможность оказания медицинской помощи врачами. Суд встал на защиту врачей, спасавших жизнь вопреки воле пациента.

Зарубежные суды иначе подходят к разрешению вопроса осуществления права на жизнь и права на свободу. Это мнение и опыт судов были обобщены в выводе ЕСПЧ: «Свобода согласия на конкретную медицинскую помощь или отказа от нее или выбора альтернативного вида помощи имеет существенное значение для принципов самоопределения и личной автономии... хотя публичный интерес в сохранении жизни или здоровья пациента, несомненно, является законным и весьма значимым, он должен уступать более значимому интересу пациента в распоряжении своей собственной жизнью... Свободный выбор и самоопределение сами по себе являются основными составляющими жизни, и что в отсутствие указания на необходимость защиты третьих лиц... государство должно воздерживаться от вмешательства в индивидуальную свободу выбора в сфере здравоохранения, поскольку такое вмешательство может только уменьшить, а не увеличить ценность жизни» [7].

Формулируя свое понимание соотношения права на жизнь, права на свободу, права на личную неприкосновенность, Европейский суд ссылается на ст. 8 Римской

конвенции: «Суть Конвенции заключается в уважении человеческого достоинства и человеческой свободы и понятия самоопределения и личной автономии... В сфере медицинской помощи, даже в случае отказа от конкретного лечения, способного повлечь летальный исход, применение лечения в отсутствие согласия психически здорового совершеннолетнего пациента составило бы вмешательство в его право на личную неприкосновенность и затронуло бы права, гарантированные ст. 8 Конвенции», не допускающей «вмешательства со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Другой пример касается права пациента на запрет разглашения врачебной тайны без согласия пациента. ЕСПЧ рассматривал дело по заявлению гражданки России, которая утверждала, в частности, что личная медицинская информация в отношении нее была собрана, рассмотрена и передана одним государственным органом другому без ее согласия [6].

Заявительница утверждала, что действия государственного органа были неправомерными в том, что он собрал и изучил ее медицинскую историю и ее детей и направил доклад, содержащий личные данные, министерству, не получив от нее согласия. Она указала, что не просила комитет изучать качество медицинского лечения, которое она и ее дети получили, и устанавливать причину смерти дочери. Она утверждала, что комитет вмешался

в ее личную жизнь путем раскрытия без ее согласия конфиденциальной информации значительному количеству лиц, включая сотрудников комитета и министерства, которые имели дело с корреспонденцией, и других сотрудников. Она ссылалась на ст. 61 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, которая запрещает разглашение врачебной тайны без согласия пациента. Заявительница утверждала, что положения данной статьи содержат исчерпывающий перечень исключений из этого общего правила и что оспариваемые действия комитета не попадали ни под одно из них.

Куйбышевский районный суд г. Санкт-Петербурга 14 декабря 2005 г. отклонил ее иск. Главный неонатолог, который был допрошен в качестве свидетеля, заявил, что он действовал в рамках своих полномочий и не имел возможности проверить обвинения Д., не получив рассматриваемые медицинские документы. Главный неонатолог также подчеркнул, что он привлек медицинских специалистов для рассмотрения этих документов, что отсутствовало раскрытие информации, содержащейся в этих медицинских документах. Медицинские документы заявительницы были изучены врачами с соблюдением конфиденциальности. Именно рецензия, подготовленная в результате этого изучения, а не медицинские документы заявительницы как таковые были переданы в министерство.

Европейский суд подтвердил, что личная информация, относящаяся к пациенту, относится к сфере его или ее личной жизни. Защита персональных данных, особенно медицинских, имеет фундаментальное значение для осуществления лицом права на уважение личной и семейной жизни, гарантированного ст. 8 Конвенции. Соблюдение конфиденциальности сведений о здоровье является ключевым принци-

пом правовых систем всех государств – участников Конвенции. Важно не только соблюдать чувство уединения пациента, но и сохранить его или ее доверие к медицинской профессии и медицинскому обслуживанию в целом. Без такой защиты подобная информация личного и интимного характера нуждающихся в медицинской помощи лиц не может быть раскрыта, в том числе для получения адекватного лечения и вообще медицинской помощи, даже при угрозе их собственному здоровью и, в случае инфекционных заболеваний, здоровью других людей. В связи с этим внутригосударственное законодательство должно предоставлять соответствующие гарантии для предотвращения передачи или разглашения персональных данных о состоянии здоровья, которые могут быть несовместимы с гарантиями по ст. 8 Конвенции.

Европейский суд отметил, что определение конфиденциальной медицинской информации в ст. 61 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан было основано на существовании, а не форме информации. Таким образом, различие внутригосударственными судами раскрытия медицинской документации как таковой от раскрытия информации, полученной из медицинской документации, не имело никакого отношения к содержанию раскрываемой информации и какой-либо правовой основы.

Европейский суд пришел к выводу, что, несмотря на формальную возможность добиваться судебного пересмотра действий комитета, заявительница не имела минимальной степени защиты от произвола со стороны властей. Оспариваемые действия не создают предсказуемое применение соответствующего законодательства Российской Федерации.

Вмешательство в право заявительницы на уважение личной жизни, таким обра-

зом, не было предусмотрено законом в значении п. 2 ст. 8 Конвенции. Следовательно, Европейскому суду не требуется рассматривать вопрос о том, преследовало ли это вмешательство законную цель и, если да, было ли оно соразмерным преследуемой цели. Соответственно, имело место нарушение требований ст. 8 Конвенции. Это еще один аспект прав пациента в контексте указанной статьи.

С точки зрения нарушения положения ст. 3 и 5 Конвенции в Европейском суде по правам человека рассматривалось дело заявителя, который был принудительно госпитализирован в психиатрическую больницу. В период госпитализации заявитель проходил лечение «Сероквелем» (атипическим антипсихотическим препаратом). Заявитель утверждал, что его незаконное содержание в психиатрической больнице и лечение антипсихотическим препаратом «Сероквелем» в научных целях и при отсутствии установленной медицинской необходимости приравниваются к пытке.

Что касается медицинского вмешательства, которому заключенный подвергается против воли, Европейский суд установил, что мера, которая является терапевтически необходимой с точки зрения общепризнанных принципов медицины, не может рассматриваться как бесчеловечная или унижающая достоинство. Вместе с тем Европейский суд должен быть уверен, что медицинская необходимость была убедительно установлена, что существовали процессуальные гарантии для принятия решения и что они были соблюдены.

Европейский суд указал на факт принудительного психиатрического лечения заявителя в отсутствие установленной медицинской необходимости и его вовлечения в связи с этим в недобровольное научное исследование действия нового антипсихотического препарата, которые привели

к возникновению у пациента чувств страха, тоски и неполноценности, способных унижить и оскорбить его человеческое достоинство. Европейский суд нашел неприемлемым с учетом международных стандартов, что программа научного исследования новых препаратов проводилась без согласия субъекта эксперимента. Соответственно, ЕСПЧ пришел к выводу, что обращение, которому был подвергнут заявитель, являлось бесчеловечным и унижающим достоинство в значении ст. 3 Конвенции и имело место нарушение требований указанной статьи Конвенции [3].

Оценивая воздействие постановлений ЕСПЧ на сферу российского права, В.И. Червонюк пришел к следующим выводам, с которыми нельзя не согласиться:

1. Влияние решений на структуру (структурность) национального права. Деятельность Европейского суда по правам человека по выявлению структурных недостатков национальных правовых систем и предложению путей их устранения объективно необходима, считает автор.

2. Структурные преобразования в национальной правовой системе зависят от имплементации в законодательство и правоприменительную практику принципов права, сформулированных ЕСПЧ в своей деятельности. В.И. Червонюк обращает внимание на то, что высшие судебные инстанции Российской Федерации все чаще используют ссылки на решения и постановления ЕСПЧ, а также применяют в своих судебных актах правовые позиции ЕСПЧ и институты Римской конвенции.

3. Влияние решений ЕСПЧ на качество законодательной деятельности весьма бо-

лезненно отражается на развитии современной российской государственности. В соответствии с им же сформулированным принципом правовой определенности ЕСПЧ подвергает неясные, неопределенные и обнаружившие неопределенность положения национального законодательства правовой оценке посредством их истолкования и формулирования в связи с этим собственных правовых позиций [13].

Приведенные выше примеры подтверждают эти выводы. Вместе с тем, признавая положительную роль постановлений ЕСПЧ в защите прав человека, в том числе и тогда, когда он является пациентом, нельзя абсолютизировать эти решения, нельзя не относиться к ним не критически. Необходимо сравнить содержания данных постановлений и целей, которые были намечены при рассмотрении конкретного дела. Это благотворно повлияет на решения ЕСПЧ, на развитие национального законодательства, и в конечном счете на защиту прав человека.

Однако нельзя не отметить, что имеют место случаи, когда государства отказываются исполнять постановления ЕСПЧ. При этом государственные власти используют решения национальных судов (в том числе национальных органов конституционного контроля). В 2015 г. в России возможность неисполнения решений ЕСПЧ была закреплена законодательно [12].

Таким образом, для эффективной защиты прав человека, в том числе пациента, в дальнейшем предстоит еще глубоко исследовать проблемы реального воздействия решений ЕСПЧ на законодательство и правоприменительную практику России.

Литература

1. Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
2. Дугарон Е.Ц. Защита репродуктивных прав в Европейском суде по правам человека // Российский судья. 2018. № 3. С. 29–33.

3. Европейский суд по правам человека. Первая секция. Дело «Баталины (Bataliny) против Российской Федерации». Жалоба № 10060/07) (Страсбург, 23 июля 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Европейский суд по правам человека. Третья секция. Дело «Y.Y. против Российской Федерации» <1> (Жалоба № 40378/06). Постановление <2>. (Страсбург, 23 февраля 2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Князев С.Д. Обязательность Постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2016. № 12 (240). С. 5–17.
6. Пункт 134 Постановления ЕСПЧ от 10 июня 2010 г. «Дело “Свидетели Иеговы” в Москве и другие (Jehovah’s Witnesses of Moscow and others) против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. 2011. № 2.
7. Пункт 136 Постановления ЕСПЧ от 10 июня 2010 г. «Дело “Свидетели Иеговы” в Москве и другие (Jehovah’s Witnesses of Moscow and others) против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского Суда. 2011. № 2.0.
8. Постановление Европейского суда по делу «Юрий Волков против Украины» (Yuriy Volkov v. Ukraine) от 19 декабря 2013 г., жалоба № 45872/06 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-139170> (дата обращения: 25.11.2018).
9. Постановление ЕСПЧ от 20 марта 2007 г. по делу «Тысенц (Tysiac) против Польши» (жалоба № 5410/03, Постановление ЕСПЧ от 30 октября 2012 г. по делу «Р. и S. против Польши» (жалоба № 57375/08); Постановление ЕСПЧ от 10 апреля 2007 г. по делу «Эванс (Evans) против Соединенного Королевства» (жалоба № 6339/05); Постановление ЕСПЧ от 24 июня 2014 г. по делу «А.К. против Латвии» (жалоба № 33011/08) и др.
10. Постановления КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П, от 6 декабря 2013 г. № 27-П, от 14 июля 2015 г. № 21-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Третьяков Д. Принцип добровольного и информированного согласия в практике Европейского суда по правам человека. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации»: федеральный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 2015. № 51 (ч. I). Ст. 7229.
13. Червонюк В.И. Имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство. (Современный контекст) // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 15–21.

Literatura

1. Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2001. № 3.
2. Dugaron E.C. Zashchita reproduktivnyh prav v Evropejskom sude po pravam cheloveka // Rossijskij sud'ya. 2018. № 3. S. 29–33.
3. Evropejskij sud po pravam cheloveka. Pervaya sekciya. Delo “Bataliny (Bataliny) protiv Rossijskoj Federacii”. Zhaloba № 10060/07) (Strasburg, 23 iyulya 2015 g.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy “Konsul'tantPlyus”.
4. Evropejskij sud po pravam cheloveka. Tret'ya sekciya. Delo “Y.Y. protiv Rossijskoj Federacii” <1> (Zhaloba № 40378/06). Postanovlenie <2>. (Strasburg, 23 fevralya 2016 g.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy “Konsul'tantPlyus”.

5. *Knyazev S.D.* Obyazatel'nost' Postanovlenij ESPCh v pravovoj sisteme Rossii (na osnove praktiki Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii) // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 12 (240). S. 5–17.
6. Punkt 134 Postanovleniya ESPCh ot 10 iyunya 2010 g. "Delo 'Svideteli Iegovy' v Moskve i drugie (Jehovah's Witnesses of Moscow and others) protiv Rossijskoj Federacii" // Rossijskaya hronika Evropejskogo suda. 2011. № 2.
7. Punkt 136 Postanovleniya ESPCh ot 10 iyunya 2010 g. "Delo 'Svideteli Iegovy' v Moskve i drugie (Jehovah's Witnesses of Moscow and others) protiv Rossijskoj Federacii" // Rossijskaya hronika Evropejskogo Suda. 2011. № 2.0.
8. Postanovlenie Evropejskogo suda po delu "Yurij Volkov protiv Ukrainy" (Yuriy Volkov v. Ukraine) ot 19 dekabrya 2013 g., zhaloba № 45872/06 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-139170> (date of the application: 25.11.2018).
9. Postanovlenie ESPCh ot 20 marta 2007 g. po delu "Tysenc (Tysiac) protiv Pol'shi" (zhaloba № 5410/03, Postanovlenie ESPCH ot 30 oktyabrya 2012 g. po delu "P. i S. protiv Pol'shi" (zhaloba № 57375/08); Postanovlenie ESPCH ot 10 aprelya 2007 g. po delu "Ehvsans (Evans) protiv Soedinennogo Korolevstva" (zhaloba № 6339/05); Postanovlenie ESPCH ot 24 iyunya 2014 g. po delu "A.K. protiv Latvii" (zhaloba № 33011/08) i dr.
10. Postanovleniya KS RF ot 26 fevralya 2010 g. № 4-P, ot 6 dekabrya 2013 g. № 27-P, ot 14 iyulya 2015 g. № 21-P. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy "Konsul'tantPlyus".
11. *Tret'yakov D.* Princip dobrovol'nogo i informirovannogo soglasiya v praktike Evropejskogo suda po pravam cheloveka. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy "Konsul'tantPlyus".
12. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj konstitucionnyj zakon "O Konstitucionnom sude Rossijskoj Federacii": federal'nyj zakon ot 14 dekabrya 2015 g. № 7-FKZ // SZ RF. 2015. № 51 (ch. I). St. 7229.
13. *Chervonyuk V.I.* Implementaciya reshenij ESPCh v nacional'noe zakonodatel'stvo. (Sovremennyj kontekst) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2017. № 7. S. 15–21.

DOI: 10.25586/RNUV9276.19.01.P.177

УДК 347.9

Т.В. Семина

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС:
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
ПО МЕДИЦИНСКИМ ДЕЛАМ

Рассматриваются вопросы, связанные с институтом медицинского права, подчеркивается недостаточное его развитие. Анализируются такие понятия, как «врачебная ошибка», «потребительский экстремизм», «заблуждение пациента», делается вывод о необходимости различения двух последних. Описываются трудности, возникающие в процессе судебных разбирательств по медицинским делам, а также неблагоприятные последствия правовых конфликтов.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, судебная практика, медицинское право, судебно-медицинская экспертиза, Конституционный суд Российской Федерации.